

ДЖ. Б. БЯЗРОВА

ПРОБЛЕМА ПРОГРЕССА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

В данной статье мы коснемся лишь некоторых концепций прогресса в западной социальной философии.

Идея прогресса, доминировавшая в социальной философии на протяжении многих сотен лет, похоже, в наше время подвергается не только сомнению, но и отрицанию. Вместо проповеди общественного прогресса теперь пишут о глубоком кризисе. Иначе говоря, исторический оптимизм, на котором базировались многие фундаментальные теоретические положения общественно-знания, сменился историческим пессимизмом. Если, например, в XIX веке почти никто не сомневался в восходящем развитии человечества, то в конце XX века мало кто верит в то, что исторический процесс идет по пути социального прогресса.

Нигилизм, упадочнические настроения, пессимизм во взглядах на социальную действительность и на будущее человеческого общества сегодня стали своего рода руководящим принципом многих обществоведов. Более того, как-то даже всерьез не воспринимают тех, кто еще проявляет какую-то веру в общественный прогресс, в постоянное совершенствование социальных отношений.

Причины столь резких антипрогрессистских настроений коренятся, прежде всего, в реалиях нашего времени. Две мировые войны, унесшие миллионы человеческих жизней, ядерное оружие, угрожающее уничтожением самому существованию цивилизации на Земле, голод и нищета в большинстве стран мира, нерешенность глобальных проблем, загрязнение окружающей природной среды, отчуждение людей друг от друга, неуверенность в завтрашнем дне, экономический и духовный кризис современного общества – вот далеко не полный перечень тех причин, которые породили отрицательное отношение к понятию общественного прогресса. В этой связи нельзя не согласиться с П. Штомпкой в том, что «прогресс – рефлексивное понятие: оно соотносится с объективной социальной реальностью, поэтому интерес к нему усиливается в периоды очевидного прогресса и ослабевает, когда реальный прогресс становится

сомнительным»¹.

Исторические реалии Нового времени, связанные с бурным процессом формирования буржуазных общественных отношений, с политическими и культурными достижениями, породили безудержный оптимизм относительно развития человеческого общества. В XVIII веке капиталистический способ производства, являющийся, несомненно, более прогрессивным строем по сравнению с феодализмом, расширяется вширь и вглубь. Успешно развиваются естественные науки, важные изменения происходят в области философии. Рационализм одерживает крупные победы в социально-философском анализе объективной действительности. Лейтмотивом философских и экономических теорий становится вера в бесконечный прогресс человеческого разума, в возможность совершенствования государственного устройства, моральных принципов и норм. Такие мыслители, как Тюрго и Кондорсе, исследуют проблемы прогресса исторически, подчеркивают, как человечество постепенно совершенствовалось и улучшало свою жизнь, свои орудия производства и т. д. Вера в социальный прогресс продолжалась и в первой половине XIX века.

Однако уже во второй половине XIX века в социально-философских исследованиях проявляется скептическое отношение к вере в бесконечный прогресс исторического процесса. Проблемы социального прогресса по-прежнему обсуждаются, анализируются, но уже в духе отрицания, а не утверждения. Дело в том, что противоречия буржуазных общественных отношений начинают сильно обостряться. Оказалось, что капиталистический мир вовсе не есть тот мир, который обеспечивает непрерывное развитие человеческого общества по восходящей линии. Экономические кризисы, абсолютное и относительное обнищание людей труда, рост безработицы и другие негативные явления по-новому заставили взглянуть на капиталистический способ производства. Известный французский философ конца прошлого века П. Лафарг писал: «Идеи прогресса и эволюции имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия еще была опьянена своей политической победой и поразительным ростом своих экономических богатств, философы, историки, моралисты, политики, беллетристы и поэты подавали

---

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 57.

свои писания и речи под соусом прогрессивного развития... Но к середине XIX века им пришлось умерить свой безудержный энтузиазм... прогресс потерял в ее (буржуазии. – Б. Дж.) глазах свое былое очарование»².

В социальной философии начинают доминировать нигилистические настроения. Абстрактно-духовная ориентация на бесконечную мощь Разума сменяется антипрогрессистскими концепциями, проповедующими нигилизм и отрицание всякого социального развития. Понятие «прогресс» заменяется понятием «эволюция».

Антипрогрессистские настроения и идеи получили свое дальнейшее продолжение в XX веке. Обществоведы стали писать о смерти прогресса, о разочаровании в прогрессе, о всеобщем кризисе и т. д. и т. п. Американский исследователь О. Тоффлер пишет, что «идея прогресса существовала и до индустриальной эпохи. Только в ней она достигла полного успеха. С середины 50-х годов не многие идеи попали под такой обстрел, как эта бодрая вера в прогресс... Безоговорочный оптимизм сменился столь же безоговорочной безнадежностью»³. Утверждается, что в наше сложное и противоречивое время бессмысленно писать о том, что исторический процесс развивается по восходящей линии. Немецкий политолог и социолог Р. Дарендорф пишет: «Эскалатор прогресса двинулся теперь вспять»⁴.

Критически относится к общественному прогрессу американский ученый В. Пфафф. Он вообще считает само понятие прогресса мертвой идеей. В прошлом, пишет он, люди были убеждены в том, что история человечества идет вперед, что будущее оправдает прошлые жертвы, поскольку жить станет легче и интереснее. «Но сегодня эта прекрасная вера больше не существует. Сегодня существует огромный разрыв между тем, что говорят политики, и тем, чего в действительности ждут народы»⁵. После крушения социализма, продолжает Пфафф, думали, что победит демократия, что права человека будут соблюдаться, что моральные принципы и нормы приобретут свое истинное

---

² Лафарг П. Экономический детерминизм К. Маркса. М., 1928. С. 24.

³ Toffler A. The third wave. N. Y. 1980. № 4. P. 554.

⁴ Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft der Liberalismus. Stuttgart, 1983. S. 240.

⁵ Pfaff W. Du progres: reflexions sur une idee morte// Commentaire, 1996. № 74. P. 385.

значение и человечество заживет счастливой жизнью. Но ничего этого не произошло. Социально-экономическая и политическая ситуация в мире после исчезновения социализма не только не улучшилась, а даже ухудшилась.

Пфафф ищет истоки исторического оптимизма и концепций общественного прогресса. Эти истоки он находит на Западе. «Оптимистический взгляд на Историю присущ только Западу. Этот взгляд, например, ничего общего не имеет с воззрениями китайцев. С точки зрения последних, есть только циклы династических империй. Эти империи самодостаточны и интересуются только собою. Происходит циклическая смена династий без какой-либо прогрессивной направленности»⁶. Идеи прогресса в Китай и другие регионы мира, считает американский исследователь, были привнесены из Западе. Без идеи прогресса, уверенно заявляет Пфафф, Запад не смог бы проводить свою современную политику, не смог бы навязывать другим народам свои ценности.

Пфафф останавливается на проблемах прогресса в сфере морали. В этой связи он рассматривает положение человека в обществе. Ничто, пишет он, не показывает, что человек морально стал лучше, что произошли какие-то моральные сдвиги в поведении человека, в его отношениях с другими людьми. «Наши предки-греки моральные действия считали сизифовым трудом, и сегодня, если бы даже XX век хотел это отрицать, ничего не изменилось»⁷. Конечно, продолжает Пфафф, цивилизация сделала большой шаг вперед, улучшив и усовершенствовав нормы международного кодекса поведения (права человека, современное законодательство, международное право). Но это не привело к коренному изменению морального поведения человека.

Современный человек, продолжает Пфафф, стал более компетентным, прекрасно разбирается в сложнейших технических системах, он во время приема пищи использует вилку и нож, а во время боевых действий знает, как лучше обойти противника. Кроме того, «современный западный человек убежден в том, что техника и индустрия будут скакать вперед почти по геометрической прогрессии. Сирены технологии ему указывают на будущее, где сознание человека будет заменено более приспособ-

---

⁶ Ibid. P. 387.

⁷ Ibid. P. 389.

ленной виртуальной реальностью...»⁸ Пфафф сомневается в том, что это будет означать прогресс в моральной сфере.

Пфафф не видит прогрессивных изменений и в других сферах общественной жизни. Так, в области межгосударственных отношений по-прежнему доминирует сила. Растут национализм, расизм, обостряются межрелигиозные конфликты. Не лучше обстоят дела и в экономической области. Кризисы, безработица, нищета – все это, по убеждению Пфаффа, свидетельствует о том, что идея прогресса действительно стала мертвой идеей.

Вопросам социального прогресса исключительно важное значение придавал современный крупнейший французский философ, основатель критической философии истории Р. Арон. Он справедливо полагает, что без разрешения этих вопросов невозможно сконструировать теоретическую картину исторического процесса, выяснить смысл и направленность этого процесса.

Прежде всего, Арон анализирует само понятие прогресса. В каком смысле, спрашивает он, данное понятие употребляется? Если оно употребляется в том смысле, что некоторые общественные явления показывают превосходство настоящего над будущим, то можно использовать действительно понятие прогресса. «...Некоторые виды человеческой деятельности, – пишет французский мыслитель, – имеют такой характер, который нельзя не признать превосходством настоящего над прошлым и будущего над настоящим. Это такие виды человеческой деятельности, продукты которых накапливаются или результаты которых имеют количественный характер. История человечества содержит в себе момент сохранения, ибо она не есть только трансформация. История предполагает, что люди имеют различные социальные институты, что они создают материальные и духовные ценности, что эти социальные институты и ценности сохраняются. История существует потому, что сохранение результатов деятельности человека ставит перед различными поколениями вопрос о том, чтобы принять или отказаться от прошлого наследия. В различных областях жизни ритм будущего зависит от характера ответа каждого поколения на отношение к достижениям предшествующих поколений. Сохранение насле-

---

⁸ Pfaff W. Du progres: reflexions sur une idee mode // Commentaire. 1996. № 74. P. 389.

дия прошлого позволяет говорить о прогрессе лишь в том случае, когда новое поколение не только сохраняет предшествующий опыт, но и прибавляет к нему что-то свое»⁹.

Арон в данном случае под общественным прогрессом понимает чисто количественные накопления и изменения в тех или иных сферах общественной жизни. Такого рода изменения он признает в экономике, политике, в развитии производительных сил, в науке и т. д. Но Арон заявляет, что понятие прогресса неприменимо в целом к обществу, к политическим и социальным институтам, к смене форм собственности, к производственным отношениям и т. д.

В 1968 году во Франции вспыхнули студенческие волнения. Они охватили всю Францию. К студентам присоединились миллионы французских рабочих, десятки тысяч французских интеллигентов, включая и выдающегося французского интеллектуала XX века Ж. П. Сартра. Арон выступил с множеством политических статей против студенческого движения. Затем Арон опубликовал книгу под названием «Разочарование в прогрессе». Разумеется, причины такого разочарования кроются не столько в событиях 1968 года (ведь книга была написана до этих событий), сколько в окружающей социальной действительности. Арон отмечает, что обычно сторонники общественного прогресса приводят различного рода статистические данные, свидетельствующие, с их точки зрения, о движении человечества по пути социального прогресса. Но нельзя сводить всё общество к статистическим данным и экономической калькуляции. Нужно представлять общество как сложный, комплексный и противоречивый механизм.

Исходя из этого постулата, Арон, по собственному выражению, дает анализ диалектики современного общества. Эту диалектику он разбивает на три части: на диалектику равенства, диалектику социализации и диалектику универсализации.

Вначале Арон анализирует диалектику равенства. Он пишет, что многие мыслители (Руссо, Сен-Симон, Маркс и др.) исключительное значение придавали социальному равенству. Руссо проклинал частную собственность, породившую, по его мнению, неравенство людей. Маркс утверждал, что в будущем обществе исчезнут социальные классы, исчезнет и неравенство. Но на

---

⁹ Aron R. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. Paris, 1962. P. 77.

самом деле усиливается неравенство в современном индустриальном обществе. «В большинстве стран мира, включая Соединенные Штаты, Великобританию и Францию, дети привилегированных слоев имеют больше шансов учиться в лучших школах и продолжать свое образование в университетах... К этому неравенству добавляется и то, что школьные оценки связываются с социальным происхождением детей, а не с их *природными* способностями. Провалы и успехи в школе во многом зависят от социального происхождения, от семейного окружения»¹⁰.

Арон пишет, что еще больше неравенства наблюдается в развивающихся странах, не достигших пока индустриального уровня. Местная интеллигенция, получившая образование в западных университетах, высоко ставит западные ценности. Но большинство населения не имеет возможности получить даже начальное образование. Кроме того, эти развивающиеся государства были колониями некоторых европейских держав, которые обращались с ними порою очень жестоко, что не могло не породить между ними противоречий.

Возвращаясь к анализу современного индустриального общества, Арон подчеркивает, что нет равенства и в политической сфере. «В настоящее время и в обозримом будущем, – пишет он, – институциональное проявление демократии в политическом смысле слова осуществляется через состязание, выборы и протесты. Это проявление сохраняет неравенство между индивидами и влиянием руководителей (в профсоюзах, в партиях, в различных учреждениях)»¹¹. Происходит манипуляция общественным мнением. Многие исследователи, продолжает Арон, утверждают, что по мере развития общества повышается интеллектуальный уровень людей, что позволит им самостоятельно, без давления извне принимать решения по тем или иным политическим вопросам. Это якобы приведет к устранению неравенства между избирателями и руководителями. Арон в этом очень сомневается: «Мы отвергаем всякие иллюзии. Даже в странах, где жизненный уровень является самым высоким, где выделяются большие средства на образование молодого поколения, большинство трудящихся плохо себе представляет функционирование своих предприятий, большинство граждан имеет смут-

---

¹⁰ Aron R. Les disillusiones du progres. Paris, 1969. P. 35, 45.

¹¹ Aron R. Les disillusiones du progres. Paris, 1969. P. 67.

ное представление о дипломатических или экономических проблемах, которые ставятся перед руководителями. Только небольшое число граждан активно интересуется общественными делами. Различие между активными и пассивными гражданами, между избирателями и неизбирателями не исчезло и вряд ли исчезнет»¹².

Переходя к проблемам расизма и национализма, Арон пишет, что в современную эпоху демократия каждому индивиду предоставляет возможность сохранять свое гражданское и человеческое достоинство, быть равными перед законом. Но демократия этим не ограничивается. Она стремится к устранению социально-экономического неравенства. Вместе с тем современная цивилизация проникнута духом состязательности. А это требует определенной иерархизированности организации, учреждения или предприятия. Одни оказываются на вершине такой иерархии, а другие внизу. Отсюда неравенство между людьми. Причем это неравенство, как и неравенство в области образования, неустранимо.

Такое неравенство существует не только внутри той или иной организации, того или иного учреждения, но и среди различных народов и этносов. «Требование равенства, связанное с социально-профессиональной стратификацией, ставит под сомнение *иерархию этносов*. Это такая иерархия, которую нижестоящий этнос называет *дискриминацией*. Она возникает так же стихийно, как и иерархия индивидов или социально-профессиональных слоев»¹³. Со временем этнические требования превращаются в национальные движения, требующие создания собственного государства. Арон выражает беспокойство по поводу того, что в XX веке расистские и националистические течения усиливаются, что может привести к военным конфликтам.

Анализируя вопросы социализации, включающей в себя семью и семейные отношения, равенство полов, организацию труда и т. д., Арон пишет, что в современном индустриальном обществе изменилась роль семьи. Она теперь все меньше и меньше выполняет экономические функции. Но с исчезновением экономических функций семья может лишиться и других функ-

---

¹² Ibid. P. 69.

¹³ Aron R. Les desillusions du progres. Paris, 1969. P. 73.

ций. Так, например, со временем семья может перестать выполнять свои социальные функции. «Базирующаяся на свободном решении двух лиц, семья имеет очень хрупкий характер, ибо эти решения могут быть аннулированы»¹⁴. Гражданский брак, индивидуализм, защита эгоистических интересов облегчают развод.

Дети, подчеркивает Арон, перестали слушать своих родителей. Они предпочитают вести самостоятельный образ жизни и все меньше и меньше заботятся о своих родителях. Женщины требуют не формального, а реального равенства.

Арон пишет, что «даже этнически гомогенное современное общество остается социально гетерогенным. Из этой гетерогенности вытекает неравенство в образовании... Связанная с семейной социализацией, такая гетерогенность вовсе не имеет временного характера. Одни дети всегда будут оказываться в Лучшем положении, а другие – в худшем»¹⁵. Поэтому, заключает Арон, неравенство в получении соответствующего образования всегда будет существовать. Но неравенство проявляется не только в сфере образования, но и во взаимоотношениях школьников. Одни физически сильнее, другие слабее, и поэтому между ними всегда были и будут конфликты.

В современном индустриальном обществе, подчеркивает Арон, люди все больше и больше отчуждаются друг от друга. «Все проблемы индустриальной социальности могут быть выражены термином «отчуждение». Социальное отчуждение, выражающееся в подчинении капиталистическому классу. Техническое отчуждение, проявляющееся в подчинении рабочего технике, которая ему не принадлежит и которую он не понимает. Экономическое отчуждение, выражающееся в том, что продукт отделяется от производителя. К этому можно добавить и политическое отчуждение, которое проявляется в той мере, в какой граждане рассматривают политический строй как чуждую им, непонятную и анонимную силу»¹⁶. Всякое технически сложное общество, продолжает Арон, представляет собой овеществленный мир. Люди выполняют анонимные задачи, общаются между собой через посредников (например через телефон). Отделение

---

¹⁴ Ibid. P. 101.

¹⁵ Ibid. P. 117–118.

¹⁶ Aron R. Les desillusions du progres. Paris, 1969. P. 176.

трудящихся от средств труда, производителей от своих продуктов, заключает Арон, является характерной чертой современной индустриальной цивилизации.

Характерной чертой современного индустриального общества, по утверждению Арона, является также аномия: разочарование, неуверенность в будущем, рост численности самоубийств и т. д.

С точки зрения Арона, диалектика универсальности предполагает анализ политических реалий, взаимоотношений народов и цивилизаций. Современная цивилизация, утверждает Арон, по своему технико-экономическому развитию имеет планетарный характер. С одной стороны, цивилизации, народы и государства все больше и больше сближаются, но с другой – не утихают конфликты, существуют противоречия между разными культурами и цивилизациями. «Более или менее регулируемые традициями, обычаями и законами конфликты между государствами являются составной частью цивилизаций. Они связаны не с природным, а с человеческим фактором»¹⁷.

Конфликты, отмечает Арон, носят не только межгосударственный, но и внутргосударственный характер. Индивиды, группы, слои противостоят друг другу. В их отношениях всегда решающую роль играет и играет сила.

Общий вывод, к которому приходит Арон: «История остается человеческой и в каком-то смысле иррациональной»¹⁸. В ней есть социальные, политические, экономические, технические и другие изменения, но нет прогресса, нет развития по восходящей линии.

Отрицательное отношение к понятию социального прогресса высказывает американский социолог Р. Нисбет. Он утверждает, что в современном обществе нет никаких аргументов, свидетельствующих о каком-либо прогрессе. В духовной сфере, например, превалируют иррационалистические воззрения, мистика, антисциентизм. Кстати сказать, на это обратил внимание и П. Штомпка. Он пишет, что сегодня «мы наблюдаем атаку на науку со стороны эпистемологического релятивизма и атаку на разум, которому противопоставляется роль эмоций, интуиции, подсознательного и бессознательного, и утверждение иррацио-

---

¹⁷ Ibid. P. 199-200.

¹⁸ Aron R. Les desillusions du progres. Paris. 1969. P. 294.

нализма»¹⁹. Потребительская культура захлестнула все слои общества. Люди потеряли веру в будущее, они стали более эгоистичными и отчужденными. Разрушаются старые ценности, новые же не создаются.

Таким образом, в современной западной социальной философии доминирует точка зрения, согласно которой понятие общественного прогресса не применимо к современной эпохе. Более того, идея прогресса, сыгравшая свою позитивную роль в прошлом веке, сегодня представляется мертвой идеей. Можно говорить о количественных изменениях во всех сферах общественной жизни, можно и нужно писать о кризисе современных цивилизаций, но никак нельзя писать о прогрессе, о переходе общества от одного качественного состояния к другому, более высокому и прогрессивному качественному состоянию. Абсурдным считается даже просто упоминание о том, что будущее общество может быть лучше нынешнего.

Действительно, как уже выше отмечалось, мы живем в сложную и противоречивую эпоху. Нерешенность глобальных проблем, включающих в себя вопросы войны и мира, экологии, здравоохранения, демографии и т. д., отсутствие какого-либо прогресса во многих государствах мира, голод и нищета, рост безработицы, неуверенность в будущем, страх, чувство одиночества и многие другие негативные явления вроде бы не дают оснований для оптимистических рассуждений и для прогрессистских идей. Но не будем сгущать краски. Ретроспективный взгляд на историю человечества свидетельствует, что людям приходилось во все времена и в каждую эпоху решать очень сложные и трудные задачи. Возьмем, например, эпоху Возрождения. Разве человеку той эпохи жилось лучше, чем современному человеку? Конечно, нет. Крупнейший французский историк XX века Л. Февр пишет, что в XVI веке жизнь представляла собой «постоянное сражение. Человека с человеком. Со стихиями. С враждебной и почти дикой еще природой. И у того, кто вышел победителем из этого сражения, кто достиг зрелости, не подвергшись слишком большим злоключениям и напастям, – у того твердая кожа, у того толстая кожа, дубленая шкура – в прямом и переносном смысле. Быть может, под грубой внешностью били родники нежных и тонких чувств? Мы этого не знаем. И никогда

---

¹⁹ Штомпка К. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 57–58.

не узнаем. Наша ретроспективная история чувствований должна ограничиться регистрацией внешних проявлений, не более того. А то внешнее, что мы наблюдаем в XVI веке, часто беспощадно и сурово. В семье умирает ребенок, два ребенка, пять детей в нежном возрасте, унесенные неведомыми болезнями, которые не умеют отличить одну от другой, которые никто не умел тогда ни распознавать, ни лечить. ...Сильные заморозки в апреле, уничтожившие надежду на хороший урожай»²⁰.

Современный человек, даже если он материально недостаточно обеспечен, живет в более комфортабельных условиях, чем человек всех прошлых времен. И он ни за что не откажется от этих комфортабельных условий. Он ни за что не захочет вернуться даже в XIX век. Современный транспорт, например, невозможно сравнить с транспортом даже XIX века. Он исключительно удобен и быстр. В считанные часы можно оказаться на другом конце земного шара. Но он и более опасен. Однако никто на этом основании не откажется ни от самолетов, ни от поездов, ни от машин. Нет сомнения в том, что в будущем транспорт станет еще более быстрым и комфортабельным. Возьмем средства массовой информации. Благодаря им сформировалось планетарное мышление. Телевидение дает возможность сразу же увидеть то, что происходит в мире. Телефон обеспечивает быструю связь с собеседником. Нет необходимости говорить о том, что без современных средств массовой информации ни одно общество не сможет существовать. Излишне говорить и о том, насколько компьютерная техника облегчает труд человека.

Противники общественного прогресса видят только негативные стороны современного общества. Но они их абсолютизируют и полностью игнорируют те позитивные черты, благодаря которым человечество достигло огромных успехов. Они не понимают диалектики развития исторического процесса. Без позитива нет негатива, и, наоборот, без негатива нет позитива. Да, мы являемся свидетелями многих негативных моментов нашего общества. Но вместе с тем мы видим, что позитивных моментов гораздо больше, чем негативных. Это дает нам основание утверждать, что современное общество является более прогрессивным по сравнению с предыдущими обществами. Кроме того, противники прогресса не хотят замены существу-

---

²⁰ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 296.

ющих общественных отношений, мешающих устранению негативных черт, новыми. Они утверждают, что все плохо, но не предлагают никаких идей для устранения плохого.

Если подходить непредвзято к историческому процессу, то следует признать, что он *развивается по восходящей линии*. С помощью понятия общественного прогресса исследователи анализируют весь сложный механизм развития этого исторического процесса. Поэтому идея прогресса *нисколько* не устарела. И нельзя не согласиться с П. Штомпкой, когда он пишет: «Я надеюсь, что идея прогресса слишком важна для человеческого сознания, слишком фундаментальна для смягчения экзистенциальных напряженностей и неуверенности, чтобы от нее отказаться ради чего-то другого. Она переживает временный кризис, но рано или поздно вновь обретет силу и власть над человеческим воображением»²¹.